

LUDMIŁA ŁUCEWICZ
Uniwersytet Warszawski

ПИСАТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ О МИХАИЛЕ КАТКОВЕ
(К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ)

A priori ясно, что писательско-издательские взаимоотношения влияют и зачастую обуславливают характер литературного процесса. Это становится бесспорным со времени начавшейся коммерциализации писательского труда, так как нередко именно «издатель, — как отметил Абрам Рейтблат, — определяет тематику, жанр и объем нужной книги»¹. В середине XIX в. — издатель не только посредник между читателем и писателем, но и выразитель определенных убеждений, идеолог, пропагандист, то есть фигура влиятельная в литературном процессе. Таков Михаил Никифорович Катков (1817–1887)². Его деятельность оценивалась современниками неоднозначно: «одни [например, публицисты ‘Современника’ — Л.Л.] считали его ‘разбойником и мошенником печати’, прихвостнем самодержавия, другие [консерваторы всех мастей, в их числе и Леонтьев — Л.Л.] предлагали поставить памятник Каткову как выдающемуся обществу деятелю»³ и зачинателю русской политической публицистики.

¹ А.И. Рейтблат, *От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы*, Новое литературное обозрение, Москва 2009, с. 264.

² «Катков — крестный отец четвертой, как теперь говорят, власти: политической печати», — считает современный исследователь. А.М. Цирульников, *История образования в портретах и документах. Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений*, Владос, Москва 2000, с. 88.

³ См.: Е.В. Деревягина, М.Н. Катков в «Московских ведомостях». *К истории издания*, «Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. История. Исторические науки» 2003, № 25, с. 55.

Совершенно очевидно, что писательская карьера (особенно на начальной стадии) во многом зависит от того, как сложится «роман» писателя с издателем. Леонтьевскую версию «романа» и попытаюсь наметить в статье.

Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891), будучи еще студентом 4 курса медицинского факультета, набросав свои первые литературные опыты, постарался прежде всего сыскать себе покровителя. Им стал Иван Тургенев. В 1852 г. 21-летний Леонтьев закончил повесть *Немцы*. Тургенев принял деятельное участие в судьбе начинающего автора: он написал о новом таланте Павлу Анненкову⁴ и следом отослал Андрею Краевскому в «Отечественные записки» повесть⁵, предрекая полный успех ее создателю. По непроясненным причинам питерская цензура не пропустила повесть, но она тут же была опубликована Катковым под новым названием *Благодарность* в газете «Московские ведомости» (1854, № 6–10).

В том же 1852 г. 24-летний Лев Толстой пишет повесть *Детство*. Он не ищет литературных советчиков, а просто отсылает свой текст в Петербург Некрасову. Размышляет так: «Напечатают — значит, поощрят к сочинительству, и тогда изменится вся моя жизнь, а нет — так сжечь все то, что уже было начато»⁶. Напечатали. Гонорар за дебют в «Современнике» не полагался. Но Некрасов, желая удержать талантливого автора, пообещал ему на будущее платить по 50 рублей за печатный лист.

Леонтьев начало своего творческого пути (в письме к Николаю Страхову от 19 ноября 1870 г.) репрезентирует так:

⁴ И.С. Тургенев: «У меня гостил несколько дней Леонтьев, автор той комедии [*Женитьба по любви* — Л.Л.], которую я — помните ли Вы — давал Вам читать в Петербурге. Он привез хорошую вещь, которую я на днях отправляю к Краевскому; другую он готовит для «Совр[еменник]а» (повесть *Лето на хуторе* — Л.Л.). Талант у него есть...». И.С. Тургенев, *Письма в восемнадцати томах*, изд. 2-е, испр. и доп., т. 2, Наука, Москва 1982, с. 182, http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0820.shtml (09.05.2016).

⁵ И.С. Тургенев: «Спешу уведомить Вас, любезный Краевский, что у меня был на днях Леонтьев (автор известной Вам комедии) и оставил мне премилую вещь, которую, как только здесь переписут — Вы получите. Я ее не отправил к Вам в авторской рукописи, потому что ее бы сам чёрт не разобрал. Это довольно большая повесть, совершенно ценсурная (одно заглавие, может быть, придется переменить — *Немцы*), и я надеюсь, что она произведет эффект». Там же, с. 183–184.

⁶ Н.А. Никитина, *Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне*, Молодая гвардия, Москва 2007, с. 53.

ПИСАТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ...

[...] известности [...] меня считали достойными *все* и Тургенев, и Катков, и Дудышкин, и Краевский, и Феокистов и многие другие Московские и Петербургские писатели и ученые тогда, когда еще мне было 21–23 года [...]. У меня еще борода не росла, когда М[ихаил] Никиф[орович] Катков (тогда еще скромный редактор скромных Московских ведомостей, до 53 года) провозжал меня до сеней и подавал мне сам шинель. Краевский писал мне: стыдно вам так долго ничего не присылать нам, и зарывать в землю ваш дар Вы не имеете права. Тургенев сидя (в 52 или 53 году) у Мад[ам] Евг. Тур вместе со мной — сказал при Феокистове, при Корше, при професс[оре] Кудрявцеве, что он истинно *нового Слова* ждет только от Графа Толстого и от меня⁷.

Воспоминание об особых тургеневских надеждах, возлагаемых на двух начинающих писателей, присутствует во всех автобиографических текстах Леонтьева. Казалось бы, в начале 1850-х гг. у них действительно примерно равные дебютные условия. Однако далее все сложилось по-разному. Если *Детство* и сам Толстой сразу обратили на себя внимание критики, то *Благодарность* и ее автор оказались вовсе не замеченными.

Широко известны факты участия крупнейших писателей в периодике Каткова. Именно на страницах «Русского вестника» (1856–1887) Катков опубликовал романы Ивана Тургенева, Льва Толстого, Федора Достоевского, Николая Лескова, Всеволода Крестовского, очерки Михаила Салтыкова-Щедрина, произведения Афанасия Фета, Алексея Толстого и др. При этом издатель внимательно прочитывал присланные ему тексты, тщательно их редактировал, руководствуясь принципами эстетическими и этическими. Он ценил «поэтичность», «глубину, оригинальность и силу в произведениях», преобладание «добротного начала» над «злостью и ненавистью», «светлых картин над темными», любовь к людям, «чувство всеобщей благоволенности, сердечность и искренность»⁸, «национальное достоинство»⁹. Со временем немаловажным критерием для Каткова стала и идеологическая близость. Бывали случаи, когда редактор просил своих выдающихся современников переписать (или даже изъять) фрагменты, а то и целые главы из произведений.

⁷ К.Н. Леонтьев, *Полное собрание сочинений и писем в 12 т.*, т. 6, кн. 2, Владимир Даль, Санкт-Петербург 2004, с. 276. Тексты Леонтьева цитируются по этому изданию с указанием в скобках номеров тома, книги и страницы в тексте.

⁸ М.Н. Катков: *Собрание сочинений в 6 т.*, т. 1, Росток, Санкт-Петербург 2010, с. 618.

⁹ Там же, с. 589.

Очень показательны в этом отношении примеры с публикациями в «Русском вестнике» хроники Лескова *Захудальй род* (печатанье было прервано)¹⁰, романа Достоевского *Бесы* (глава *У Тихона* по просьбе редактора была снята, текст переделан)¹¹, романа Толстого *Анна Каренина* (редактор отказался от эпилога романа, и писатель вынужден был прекратить публикацию в журнале вообще)¹². Однако, несмотря на редакторские требования, которые, конечно, влияли и обуславливали непростые взаимоотношения с писателями (вплоть до разрыва с издателем, как поступили Лесков и Толстой), авторы, издававшиеся в «Русском вестнике», видели в Каткове не только издателя, который регулярно выплачивает сравнительно высокие гонорары, но и ученого-филолога, литературного критика, кропотливого редактора с несомненным литературным вкусом. Так, Лев Толстой, отдавая, в «Русский вестник» главы романа *Анна Каренина*, писал издателю 21 декабря 1874 г.: «Без радости не могу вспомнить о том, что вы будете держать корректуры»¹³, в следующем письме от 4 января 1875 г. вновь повторил: «Вся моя надежда на вашу корректуру»¹⁴. Толстой ценил эстетическое чутье Каткова и его профессионализм. Достоевский также отмечал редакторский талант своего издателя и очень дорожил его добрым отношением. Это видно из его писем к Анне Григорьевне (в частности, от 27–28 мая 1880 г.):

¹⁰ «Публикация хроники Н.С. Лескова *Захудальй род* на страницах 'Русского вестника' за 1874 год (№ 7, 8, 10) принадлежит к драматичнейшим эпизодам биографии автора выдающегося произведения. Печатание было оборвано на полуслове. [...] Печатаясь в журнале М.Н. Каткова, мировоззренческое расхождение со всем кругом которого для Лескова становилось все очевиднее, а пребывание в котором делалось все тягостнее, писатель до крайности остро воспринял редакционные вмешательства в текст *Захудалого рода*. На печатании повести произошел разрыв писателя с правофланговым, но и авторитетнейшим органом московско-петербургской журналистики». А.А. Горелов, *Н.С. Лесков и И.С. Аксаков о повести «Захудальй род» (Из переписки 1874–1875 годов)*, «Русская литература» 2003, № 2, с. 94.

¹¹ См.: В.Н. Захаров, *Запретная глава // Ф.М. Достоевский, Бесы*, подгот. текста, вступ. ст., коммент. и примеч. В.Н. Захарова, Карелия, Петрозаводск 1990, с. 612–617.

¹² См.: Е.В. Николаева, *М.Н. Катков и Л.Н. Толстой*, «Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди», Сер. Літературознавство 2011, вип. 1 (3), с. 32–43.

¹³ Л.Н. Толстой, *Полное собрание сочинений в 90 т.*, т. 62, Государственное издательство художественной литературы, Москва 1953, с. 127.

¹⁴ Там же, с. 131.

ПИСАТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ...

К Каткову я заехал с целью получить отсрочку на *Карамазовых* [...]. Он выслушал всё очень дружественно (и вообще был донельзя ласков и предупредителен, как никогда со мной прежде) [...]. Провожать меня вышел в переднюю и тем изумил всю редакцию, которая из другой комнаты всё видела, ибо Катков никогда не выходит никого провожать¹⁵.

В воспоминаниях Леонтьева, напомним, редактор подавал юному автору шинель и провожал его домой.

Что касается взаимоотношений Леонтьева и Каткова, то они определялись двумя причинами: во-первых, близостью идеологических позиций (оба пережили мировоззренческую эволюцию от либерализма к охранительному консерватизму, в 70-е гг. их идейные устремления во многом совпадали), а во-вторых, материальной заинтересованностью. Причем, если издатель в 1870-е гг. обращал внимание на идеологическую близость, то писателя в не меньшей степени, чем идеология, интересовала материальная сторона дела. В автобиографических текстах Леонтьев отводит очень много места денежным расчетам. Оплаты и их динамика, несомненно, сказываются на характере литературного процесса и отражают издательско-читательский интерес к авторам¹⁶.

Биограф Леонтьева — Анатолий Александров, вспоминал рассказ писателя о том, как Катков, усмотревший в Леонтьеве, по признанию последнего, «большую зрелость таланта» (6, 1, 54), после публикации *Благодарности* якобы «в знак особого поощрения и трогательной ласки, сам вынес ему первый литературный гонорар его в простом нитяном кошельке, наполненном золотом»¹⁷. В автобиографической прозе Леонтьева дословно такого рассказа нет, но есть признание:

Феоктистов заехал ко мне на Пречистенку по просьбе Каткова и высыпал (кажется) около 75 рублей [думаю, скорее всего серебром; т.к. серебряный рубль имел широкое хождение наряду с бумажной купюрой — Л.Л.] на стол, говоря: «Мих[аил] Ник[ифорович] извиняется, что мало. — Газета

¹⁵ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений в 30 т.*, т. 30, кн. 1, Наука, Ленинград 1988, с. 167–168.

¹⁶ Ср.: в конце 1850-х гг. Тургенев получал 400 руб. за печатный лист; Гончаров, Достоевский, Писемский — по 200; в 1860-е гг. Тургенев, Толстой — 300, Гончаров — 250, Достоевский — 125; в 1870-е — Толстой, Тургенев — 600, Достоевский — 250; в 1880-е — Тургенев — 350, Лесков, Достоевский — 300. Данные приведены по книге: А.И. Рейтблат, *От Бовы к Бальмонту...*, с. 94.

¹⁷ А.А. Александров, *И. Памяти К.Н. Леонтьева. II. Письма К.Н. Леонтьева к Анатолию Александрову, с предисловием и примечаниями А.А. Александрова*, Типография Св.-Тр. Сергиевой Лавры, Сергиев Посад 1915, с. VI.

очень бедна и больше 3-х рубл[ей] за столбец не может давать. — Это цена Грановского»¹⁸.

Значит, начинающего Леонтьева у Каткова оценили на уровне Тургенева и Грановского (платили 75 руб. за лист); Толстому же, как отмечалось, вообще платить не собирались, а на будущее определили 50 руб. за лист.

Для адекватной характеристики взаимоотношений Каткова и Леонтьева мы не располагаем равноценной информацией. Это означает, что есть суждения, автобиографические сочинения и даже отдельные статьи Леонтьева относительно Каткова, но нет ничего подобного со стороны Каткова; даже переписка, о которой упоминает Леонтьев (между ним и редактором), кажется, не существовала (во всяком случае пока не обнаружена). Исследователи утверждают¹⁹, что корреспонденция с Леонтьевым велась через соиздателя «Русского вестника» однофамильца — Павла Михайловича Леонтьева или помощника Каткова — Николая Алексеевича Любимова²⁰. Однако Константин Николаевич на страницах автобиографических сочинений в связи со своими литературными делами упоминает только имя Каткова.

Николай Бердяев, создавая биографию Леонтьева, кратко коснулся вопроса взаимоотношений писателя и издателя и, опираясь на тексты Леонтьева, решил его однозначно в пользу писателя: «К Каткову у К.Н. было сложное отношение. [...] Но в сущности Катков был ему глубоко чужд, и даже противен [...] Леонтьев и Катков не имели между собой ничего общего. Но он лучше относился к Каткову, чем Катков к нему»²¹. Тут мало справедливого. Это скорее легенда, созданная самим писателем.

Выстраивая свою версию взаимоотношений с Катковым в 70-е гг., Леонтьев делает акцент сугубо на негативе — утрате

¹⁸ К.Н. Леонтьев, *Полное собрание...*, т. 6, кн. 1, Владимир Даль, Санкт-Петербург 2003, с. 54.

¹⁹ О.Л. Фетисенко в письме к автору статьи от 12 сентября 2015 г.

²⁰ Когда Катков и Павел Леонтьев (1822–1875; филолог и журналист, профессор классической филологии Московского университета) взяли в аренду газету «Московские ведомости» (1862), то публицистическая и редакторская деятельность Каткова сосредоточилась преимущественно в газете, а дела журнала под его контролем вел соредактор Николай Любимов (1830–1897) — публицист, ученый-физик, профессор кафедры физики и физической географии Московского университета.

²¹ Н. Бердяев, *Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли*, Умса Press, Paris 1926, с. 139–140.

взаимопонимания, отрицательном отношении редактора «Московских ведомостей» к идее монашества Леонтьева, неприятию им религиозных произведений писателя и проч. Однако факты, мимоходом отмеченные писателем, свидетельствуют и о другом. Леонтьев в исповеди негодует на то, что Катков, получив его новые «христианские сочинения», «вдруг замолчал **на 8 месяцев**» (6, 1, 234). Молчание своего издателя писатель связал со слабостью его идеологических позиций, с недостаточностью силы религиозной веры, отсюда — резкие выпады против Каткова:

Его Православие было *серенькое*, разведенное либеральностью, он думал, что и мое такое же, а когда я развернул вполне знамя моего *белого* Православия, то он испугался *этого варварства и безумия* и по приезде моем в Россию грубо сказал мне — что я в этих статьях договорился «до чортиков». [...] все *духовное*, хотя оно было написано совершенно светским языком, отверг (6, 1, 234).

Закономерен вопрос: почему консерватор Катков, на знамени которого православие — центральный тезис, отверг «духовное», т.е. православные сочинения писателя? Что произошло? Кажется, в данном случае дело здесь проще, чем его представил Леонтьев. В 70-е гг. он оказался в материальной зависимости от издателя. Во время посольской службы на Востоке писатель получал деньги вперед (1800 рублей серебром в год) за будущие беллетристические произведения. Когда же вместо ожидаемой Катковым беллетристики Леонтьев из Константинополя прислал в Москву «серьезные труды» «аскетического и Православного духа» (*Византизм и славянство* для газеты «Московские ведомости»!), то сам факт настолько озадачил редакцию, что она не знала, как на это реагировать. В конечном итоге «Московские ведомости» не приняли этот «ученый трактат» к публикации. А у писателя, бравшего деньги вперед за будущие турецкие рассказы, образовался солидный долг перед издателем, ждавшим именно беллетристическую экзотику для своей газеты.

Весной 1874 г. Леонтьев вернулся в Россию, намереваясь для решения своих материальных проблем «искать литературной работы, помесячной и по заказу» (6, 1, 237). На этот раз ему удалось «поладить» с Катковым, и он начал «писать заказное к сроку» (речь идет о статье, посвященной сборнику *Складчина*²²),

²² *Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии*, Ти-

хотя и воспринимал свой труд как «большую жертву» (6, 1, 237). Статья Каткову не понравилась. Причину недовольства редактора Леонтьев опять объяснял своими православными убеждениями и свободой их выражения. Каткову, как он считал, «все хотелось точь-в-точь заставить меня думать по-своему; я и рад бы *да не могу*. — У меня свои мысли. — Смирение мысли перед Церковью дело иное; высокое; — смирение *моей* мысли перед умом Каткова *невозможно*, а продавать мои убеждения я не могу, *не умею* [...]» (6, 1, 237–238).

Однако сохранить незыблемость убеждений, как и независимость, перед издателем не удавалось. Житейская ситуация складывалась для Леонтьева так безнадежно, что он, подавив свою гордость, вынужден был вновь обратиться за помощью к Каткову. Помощи не получил, зато впоследствии оставил в исповеди выразительное описание:

Ездил к Каткову *умолять* его, чтобы он давал мне 50 рублей в месяц на содержание, ибо *я просто голоден* и сил не имею, — 50 рублей это очень мало по его расчетам, а я писал бы ему.

— Он на это сказал «Вы очень дурно сделали, что надели подрясник!», а потом на всю мою речь молчал и притворился, наконец, *что дремлет*. — Я и ушел (6, 1, 239).

В версии Леонтьева Катков предстает человеком авторитарным, корыстным, самолюбивым и безучастным. Мало того — несамостоятельным в своих суждениях и оценках. Это Катков-то (!?)²³. Леонтьев, желая, видимо, уязвить своего редактора, указывает на его зависимость от петербургских мнений. Так, отмечает, что в 1875 г. в охранительной прессе («Русский мир»,

пография А.М. Котомина, Санкт-Петербург 1874. В сборнике приняли участие 50 русских литераторов, средства от его реализации были направлены в Самарскую губернию в связи с голодом 1873 г. См.: В.П. Мещерский, *Мои воспоминания*, Захаров, Москва 2003, с. 424–425.

²³ Василий Розанов, не будучи поклонником М.Н. Каткова, писал, что это «монументальная фигура, цельная, единая, ни разу не пошатнувшаяся, никогда не задрожавшая. В Петербурге, и именно во 'властных сферах', боялись Каткова. Чего боялись? Боялись в себе недостойного, малого служения России, боялись в себе эгоизма, 'своей корысти'. И — того, что все эти слабости никогда не будут укрыты от Каткова, от его громадного ума, зоркого глаза, разящего слова. На Страстном бульваре, в Москве, была установлена как бы 'инспекция всероссийской службы', и этой инспекции все боялись, естественно, все ее смущались. И — ненавидели, клеветали на нее». В. Розанов, *Суворова и Катков*, «Новое время» 1997, № 7, http://www.hrono.ru/statii/2001/rozan_suv.html (09.05.2016).

«Гражданин») появились запоздалые положительные рецензии на его восточные повести, и Катков, якобы под влиянием этих рецензий, изменил свое отношение к писателю в лучшую сторону:

[...] образумился и письменно предложил мне продолжить тот роман (*Одиссей Полихрониадес*), которого начало было ему привезено из Турции. — С тем вместе он предлагал *половину цены* выплачивать мне наличными деньгами, а половину только удерживать для погашения старого долга. Эта [...] поправка моих литературных дел дала мне [...] возможность жить на литературные заработки (6, 1, 243).

Вряд ли, мнение кого-либо из «петербургских критиков» (хотя бы и единомышленника Василия Авсеенко из газеты «Русский мир») оказалось для Каткова настолько весомым, что изменило его отношение к писателю. Дело с литературными заработками, как кажется, в ином. Катков как издатель-предприниматель нашел компромисс для хотя бы частичного возвращения своих константинопольских затрат.

Далее Леонтьев отмечает, что через некоторое время Катков даже предложил ему стать корреспондентом «Московских ведомостей» в его любимом Константинополе²⁴. Хотя в реальности не Катков предложил, а Леонтьев выпросил эту «службу». И вроде бы, даже намеревался добросовестно ее исполнить, однако, как пишет, внезапно на него напали «страх и тоска по родине, безумная, нестерпимая», и он, не выехав из России, возвратился домой (6, 1, 246). Результат ожидаемый: «Катков не хочет более верить, что я способен деятельно служить ему» (6, 1, 246). Распря продолжалась. Вина однозначно возлагалась на издателя.

Так, согласно Леонтьеву, развивались взаимоотношения, казалось бы, единомышленников. Характер этих взаимоотношений несколько проясняется, если мы слышим не только так называемое «исповедальное слово» Леонтьева (как его услышал Бердяев и последующие биографы писателя), но и учитываем на страницах его же автобиографических сочинений реальное «дело» (деятельность) Каткова относительно Леонтьева.

Судя в первую очередь по признаниям самого писателя, вряд ли, он (Леонтьев) имел какое-либо серьезное значение в издательской судьбе Каткова. Но то, что Катков сыграл немаловажную роль в литературной судьбе Леонтьева — бесспорно. Он

²⁴ Леонтьев в *Моей исповеди* нигде не обмолвился о том, что он сам послал письмо Каткову с предложением стать его корреспондентом на Балканах.

помогал писателю материально не только в начале 50-х гг., но и в дальнейшем, практически на протяжении всей своей жизни, а также влиял на характер его духовного развития.

Ludmiła Łucewicz

PISARZ I WYDAWCA: KONSTANTIN LEONTJEW O MICHAILE KATKOWIE
(PRZYCZYNEK DO PROBLEMU WZAJEMNYCH RELACJI)

Streszczenie

Autorka artykułu zwraca uwagę na charakterystykę wzajemnych relacji pisarza Konstantina Leontjewa i wydawcy Michaiła Katkowa, którą utrudniają znaczne rozbieżności sądów na ten temat. Dysponujemy bowiem licznymi opiniami, tekstami autobiograficznymi, artykułami Leontjewa o Katkowie, nic podobnego nie pozostawił natomiast po sobie Katkow. Rekonstruując swoją wersję wzajemnych relacji z wydawcą w latach siedemdziesiątych XIX w., pisarz koncentruje się na jego cechach negatywnych — sportretowany przez niego Katkow jest wyrachowanym, żądnym władzy egocentrykiem, człowiekiem, który nie umie komukolwiek współczuć ani samodzielnie myśleć. A przecież zdarzenia, które pisarz odnotowuje jakby mimochodem, świadczą nie tylko o realnej pomocy udzielonej mu przez Katkowa, lecz także o wpływie wydawcy na kształtowanie światopoglądu młodszego kolegi. Autorka koncentruje uwagę na dwuplanowości tekstów autobiograficznych Leontjewa i zestawieniu jego subiektywnych — zazwyczaj negatywnych — ocen wydawcy z obiektywnymi faktami świadczącymi o pozytywnym udziale Katkowa w życiu pisarza.

Ljudmila Lutsevich

WRITER AND PUBLISHER: KONSTANTIN LEONTEV ABOUT MIKHAIL KATKOV
(TO THE PROBLEM OF MUTUAL RELATIONS)

Summary

The author in her article marked that for description of mutual relations of writer and publisher there is not equivalent information, i.e. there are numerous judgements, autobiographic compositions, special article of Leontev relatively Katkov, but there is nothing of the kind outside of Katkov. A writer, lining up the version of mutual relations with a publisher in 70th, does an accent especially on a negative. As a result Katkov appears a man authoritarian, mercenary, proud, apathetic, lacking in initiative in the judgements. At the same time the facts marked a writer on the way talk and about other: not only about the real material help of Katkov, but also about his participating in spiritual development of junior contemporary. Attention in the article is concentrated on two plans of confessional texts of Leontev: on a correlation of the subjective descriptions given by a writer to the publisher and objective facts of positive participation of publisher in the fate of writer.